

САЙМОН БЕКЕТТ

САЙМОН БЕКЕТТ

МЕРТВЫЕ НЕ ЛГУТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Б42

Серия «Детектив — самое лучшее»

Simon Beckett

THE RESTLESS DEAD

Перевод с английского А.А. Соколова

Компьютерный дизайн В.А. Воронина

Печатается с разрешения

Curtis Brown UK и The Van Lear Agency.

Бекетт, Саймон.

Б42 Мертвые не лгут : [роман] / Саймон Бекетт ; [пер. с англ. А. А. Соколова]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 448 с. — (Детектив — самое лучшее).

ISBN 978-5-17-108755-5

В жизни блестящего эксперта-криминалиста доктора Дэвида Хантера наступила черная полоса — его карьера висит на волоске, а личная жизнь трещит по швам. Поэтому звонок из полиции Эссекса раздается как раз вовремя...

От тела, найденного среди болот и трясин Бэкуотерса, мало что осталось, и лишь настоящий гений криминалистики может ответить на три вопроса:

Кем был этот несчастный?

От чего умер?

И имеет ли отношение к двум таинственным исчезновениям людей, которые так и не были раскрыты?

Однако вскоре после приезда доктора Хантера в болотах начинают находить все новые и новые останки — и кажется, этому не будет конца. Люди шепчутся, ходят ужасные слухи.

Дэвид же хорошо понимает: бояться надо не мертвецов, а того, кто похоронил их в трясирах...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-108755-5

© Simon Beckett, 2017

© Перевод. А.А. Соколов, 2018

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2018

Глава 1

Состоящее более чем на шестьдесят процентов из воды человеческое тело не способно держаться на поверхности. Оно плавает лишь до тех пор, пока в легких находится воздух, а затем постепенно уходит на дно. Если вода очень холодна и место глубокое, оно там и остается и так медленно гниет в темноте, что процесс может занять много лет.

Но если вода достаточно теплая, чтобы питать размножающихся бактерий, оно будет разлагаться. Во внутренностях накапливаются газы, и труп вновь обретает плавучесть.

После чего всплывает.

Лицом вниз с опущенными конечностями тело плывет по воде или неглубоко под поверхностью. И со временем в чреве тьмы его целостность нарушается — труп начинает распадаться. Сначала лишается того, что дальше всего от середины: пальцев, кистей и ступней. Затем рук, ног и, наконец, головы — отпадает все, пока не остается один торс. Когда выходят наружу последние образовавшиеся в результате разложения газы, труп тонет во второй раз и теперь навсегда.

Но вода может стать причиной другого преобразования. По мере того, как разлагаются мягкие ткани, разрушается слой подкожного жира, запечатывая некогда живое человеческое тело в своеобразную оболочку,

Саймон Бекетт

получившую название трупный, или могильный, жировок. Впрочем, у этой бледной субстанции есть иное, менее зловещее имя.

Мыло.

Заклученные в грязной белой пелене органы сохраняются, а тело в это время плывет в свое последнее путешествие.

Пока случай снова не вынесет его на свет дня.

Череп принадлежал юной девушке — на пол намекало более тонкое, чем у мужчин, строение. Лобная кость высокая и гладкая, а сосцевидный отросток под ушным отверстием слишком миниатюрен, чтобы быть мужским. Признаки, отнюдь не определяющие, однако, вместе взятые, не оставляли сомнений. К моменту смерти у покойницы прорезались все взрослые зубы. Это означало, что она была старше двенадцати лет, однако ненамного. Хотя недоставало двух коренных и верхнего переднего зуба — утраченных, возможно, после смерти, — остальные были почти не стерты. Это подтверждало выводы, сделанные после осмотра скелета, — девушка умерла задолго до двадцати лет.

Причина смерти была также очевидна. Почти в середине затылочной кости черепа зияла рваная дыра размером примерно в дюйм в длину и в полдюйма в ширину. Свидетельства лечения отсутствовали, края отверстия расщеплены, что предполагало, что удар был нанесен по живой кости. Картина была бы другой, если бы кость после смерти успела высохнуть и стала хрупкой. Подняв череп в первый раз, я удивился, услышав изнутри почти музыкальный стук, и решил, что его производят осколки кости, вбитые в мозг тем, что убило юную жертву. Однако звук был слишком громким и весомым. Рентген подтвердил мою догадку: в черепе находится небольшой предмет симметричной формы.

Наконечник стрелы.

Невозможно было сказать, какого возраста череп и сколько он пролежал в земле в продуваемых ветрами нортумберлендских болотах. С некоторой степенью определенности я решился бы утверждать — свыше пятисот лет: достаточный срок, чтобы сгнило древко стрелы и кость потемнела до цвета жженого сахара. Узнать о жертве ничего не удастся: ни кто она такая, ни почему приняла смерть. Я утешал себя мыслью, что выстреливший в нее убийца в то время, как она отвернулась или убегала от него, понес за преступление какое-то наказание. Но это тоже никак нельзя было узнать.

Когда я аккуратно заворачивал череп в папиросную бумагу и укладывал в приготовленный ящик, наконечник стрелы брякал, словно играли на ударнике. Вместе с другими собранными в университетском антропологическом отделе костями он послужит для обучения студентов — зловещий антикварный предмет, но достаточно древний, чтобы не бередить чувств. Я привык к таким вещам — Бог свидетель, всякого навидался, — но этот череп меня чем-то тронул. Возможно, оттого, что жертва была настолько юна, или жестокостью того, как убили девушку. Кем бы она ни была, но непременно была чьей-то дочерью. А теперь, спустя века, безвестная жертва складирована в лаборатории в картонную коробку.

Я вернул ее в железный шкаф, поставив рядом с остальными. Растерев затекшую шею, пошел к себе в кабинет и устроился за компьютером. Пока грузилась почта, будоражили ожидания по типу рефлекса Павлова, которые, как обычно, сменились разочарованием. Оказались одни мелочи академической жизни: вопросы от студентов, памятные записки от коллег и случайный мусор, который не отсортировал антиспамовский фильтр. И больше ничего.

Саймон Бекетт

Так продолжалось месяцами.

Одно из писем пришло от профессора Харриса, нового главы отделения антропологии, который напоминал, чтобы я запланировал встречу с его секретарем. *Обсудить возможности относительно моей должности*, как он деликатно сформулировал. У меня упало сердце, хотя ничего неожиданного в его предложении не было. Однако проблема на следующую неделю. Выключив компьютер, я повесил лабораторный халат и надел пиджак. И выходя в коридор, наткнулся на аспирантку.

— Добрый вечер. Хороших вам праздников, доктор Хантер.

— Вам того же, Джулия.

При мысли о длинных выходных настроение еще сильнее упало. Я по глупости принял предложение приятелей провести их в их загородном доме в Котсуолдсе. Это случилось несколько недель назад — впереди было столько времени, что, казалось, рано расстраиваться. Но вот дата подошла, и мой оптимизм рассеялся, тем более что предполагалось много гостей, которых я совершенно не знал.

Слишком поздно. Я отпер машину, покрутив электронным пропуском перед сканером, и дождался, когда поднимется парковочный шлагбаум. Понимал, насколько глупо садиться каждый день за руль и ехать в университет на машине, борясь с лондонским движением и преодолевая пробки, вместо того, чтобы добираться на метро, но не мог справиться с привычкой. В качестве полицейского консультанта я привык, что, если обнаруживался труп, меня могли вызвать в разные районы страны, и надо было быстро добираться до места. Но это было до того, как меня неофициально внесли в черный список. Теперь же поездки на работу на машине стали не столько необходимостью, сколько свидетельством собственных мечтаний.

По дороге домой я остановился у супермаркета, купить то, что, по моим понятиям, обязан захватить приезжающий в дом гость. Тронуться в путь я предполагал наутро, и значит, надо было прихватить также что-нибудь себе на ужин. Я меланхолично бродил между полок — вот уже несколько дней чувствовал себя немного подавленным, но относил это за счет апатии и скуки. Сообразив, что хожу по отделу готовых блюд, я мысленно себя отругал и двинулся дальше.

Весна в этом году опаздывала: зимние ветры и дождь не прекращались и в апреле. Насупленное небо не способствовало продлению светового дня, и когда я оказался на дороге, где живу, уже смеркалось. Отыскав место, чтобы поставить машину, я понес пакеты с покупками в квартиру. Она занимала первый этаж большого викторианского дома с общим с проживающими наверху соседями небольшим вестибюлем. Подойдя ближе, я увидел, что некий мужчина в комбинезоне что-то производит с входной дверью.

— Добрый вечер, шеф, — весело поздоровался он. В руке он держал рубанок, из сумки у ног торчали другие инструменты.

— Что происходит? — спросил я, заметив обструганное дерево вокруг замка и стружки на полу.

— Вы здесь живете? Кто-то пытался к вам проникнуть. Ваша соседка вызвал нас починить дверь. — Мастерской смахнул стружку и снова провел рубанком. — Никто не захочет жить в таком районе в незапирающемся помещении.

Переступив через его сумку с инструментами, я пошел переговорить с соседкой. Она въехала в дом всего несколько недель назад — яркая, привлекательная русская, работавшая, как я понимал, сотрудницей бюро путешествий. Мы редко разговаривали, если не считать

Саймон Бекетт

обмена случайными любезностями, и теперь она не пригласила меня внутрь.

— Когда я возвратилась домой, дверь была сломана, — сообщила соседка и сердито тряхнула головой, распространяя волну запаха мускусной косметики. — Наверное, пытался влезть какой-нибудь наркоша. Они тащат все, что плохо лежит.

Наш район не считался престижным, но проблем с наркоманами было не больше, чем в других местах.

— Входная дверь была открыта?

Я проверил дверь своей квартиры, но она оказалась нетронутой. Никаких признаков того, что кто-то пытался проникнуть внутрь.

Соседка покачала головой, отчего заволновались ее густые темные волосы.

— Нет, только сломана. Подонок то ли с ней не сладил, то ли его спугнули.

— Вы вызвали полицию?

— Полицию? — Соседка презрительно фыркнула. — Да. Но им до нас никакого дела: снимают отпечатки пальцев,жимают плечами и отваливают. Лучше поставить новый замок. На этот раз надежный.

Это было сказано с нажимом, словно недостатки прежнего замка были исключительно моей виной. Когда я спустился вниз, слесарь заканчивал работу.

— Все в порядке, шеф. Здесь нужно мазнуть краской, чтобы обструганное место не вздулось от дождя. — Он изогнул брови, показав два набора ключей. — Кому вручить счет?

Я поднял глаза на соседскую дверь — она была закрыта, и я вздохнул.

— Чеки принимаете?

После того, как слесарь ушел, я взял ведро и швабру и принялся убирать в вестибюле опилки. Завитки деревянных стружек скопились в углу. Я наклонился, чтобы

вымести их, и, увидев свою руку на фоне черных и белых плиток пола, испытал головокружительный приступ дежавю. *Лежу в коридоре, нож непристойно торчит у меня из живота, кровь растекается по полу в клетку...*

Видение было настолько ярким, что перехватило дыхание. Распрямившись и почувствовав, как колотится в груди сердце, я заставил себя глубоко вздохнуть. Но момент уже проходил. Я открыл входную дверь и втянул в себя прохладный вечерний воздух. Господи, откуда только взялось? Давным-давно не накатывало. А теперь возникло, словно из ниоткуда. В последнее время я редко вспоминал о том случае. Сделал все, чтобы оставить в прошлом. И хотя физические шрамы напоминали о нем, я считал, что психологические раны зарубцевались.

Оказывается, нет.

Приходя в себя, я свалил мусор в ведро и вернулся в квартиру. Знакомое пространство было точно таким, каким я оставил его утром: некрикливая мебель в соответствующей размерам гостиной с кухней и маленьким личным садиком позади дома. Превосходное место для жизни, но, получив доказательства, насколько свежи воспоминания из прошлого, я понял, как мало у меня связано с этим местом счастливых моментов памяти. Как и с машиной, меня держала здесь исключительно сила привычки.

Не настало ли время перемен?

Мучаясь от ощущения безразличия, я распаковал покупки и взял из холодильника пиво. Я шел по проторенной дорожке, но перемены были неизбежны, хотел я этого или нет. Хотя меня нанял на работу университет, большая часть моих дел касалась консультаций полиции. В качестве судебного антрополога меня привлекали, если находили человеческие останки, но в таком печальном или разложившемся состоянии, что усилия обычного патологоанатома оказывались недо-

статочными. В высшей степени специфическая сфера деятельности, где действуют главным образом внештатные специалисты вроде меня, помогающие полиции идентифицировать останки и обеспечить ее всей возможной информацией относительно времени и характера смерти человека. Я стал накоротке со смертью во всем ее кровавом произволе, в совершенстве овладел языком костей, самоочищения и гниения. По меркам многих — страшное занятие, и были времена, когда мне приходилось бороться с самим собой. Несколько лет назад я потерял в автомобильной аварии жену и дочь: пьяный водитель лишил их жизни, не получив даже шрама. Преследуемый мыслями об этой трагедии, я бросил свое занятие и вернулся к прежней профессии врача-терапевта, занимаясь проблемами живых, а не мертвых. Похоронил себя в маленькой деревушке в Норфолке, чтобы оборвать все связи со старой жизнью и памятью о ней.

Но усилий хватило ненадолго. Реальность смерти и ее последствий меня нашла, и я чуть не потерял еще одного любимого человека, прежде чем признал, что от себя не убежать. На счастье или на беду, таков уж я есть, и в своем занятии умею себя проявить.

По крайней мере, так было раньше. Прошлой осенью меня привлекли к сложному расследованию в Дартмуре, к концу которого погибли двое полицейских и пришлось уйти в отставку высокопоставленному начальнику. Хотя винить меня было не в чем, я послужил невольным катализатором последующего скандала, а возмутителей спокойствия, как известно, не любят. И меньше всего в полиции.

Моя деятельность консультанта внезапно сошла на нет.

Неизбежно сработал эффект домино в университете. Официально я работал там по возобновляющемуся договору, а не на ставке. Такая система давала мне свободу, если требовались консультации в полиции, а универ-

ситетское отделение выигрывало от сотрудничества со мной. Но одно дело — работник, которого привлекают к расследованию запутанных убийств, и совсем другое — человек, внезапно превратившийся в персону нон грата во всех полицейских подразделениях страны. Мой договор заканчивался через несколько недель, и новый глава отделения антропологии уже заявил, что не потерпит мертвого груза в своих владениях.

Вот так он оценивал меня.

Со вздохом я плюхнулся в кресло и сделал глоток пива. Мне совершенно не хотелось ехать на домашний праздник, но Джейсон и Анжа были моими старыми друзьями. Джейсона я знал с медицинского института и познакомился с женой на одной из их вечеринок. После смерти Кары и Алисы я порвал, как все остальное, свои дружеские связи и, вернувшись обратно, не собирался их возобновлять.

Но перед Рождеством Джейсон проявился, увидев мою фамилию в сообщениях о провальном дартмурском расследовании. С тех пор мы несколько раз встречались, и я порадовался, что в наших отношениях не возникло ожидаемой неловкости. С тех пор, как мы перестали общаться, они переехали в новый дом, и я был избавлен от горько-сладких воспоминаний, которые навевало бы на меня их прежнее жилище. Теперь они обитали в нелепо дорогом доме в Белсайз-Парке и имели другой в Котсуолдсе.

Туда мне предстояло отправиться наутро. Лишь приняв приглашение, я понял, в какую попал ловушку.

— Мы пригласили несколько человек, — сообщил мне Джейсон. — Среди них женщину, с которой Анжа хочет тебя познакомить. Она — специалист по уголовному праву, так что у вас может быть много общего. Полицейские структуры и все такое. К тому же она одинока. Точнее — разведена, но это одно и то же.

Саймон Бекетт

— Как это понимать? — поинтересовался я. — Хочешь меня к кому-нибудь пристроить?

— Я нет, это все Анжа, — объяснил Джейсон с нарочитым терпением. — И вообще, перестань дурить. Разве смертельно познакомиться с красивой женщиной? Поладите — прекрасно. Не поладите, какие дела? Приезжай и посмотри, как все пойдет.

В конце концов, я согласился. Понимал, что Джейсон и Анжа желают мне добра, да и календарь моего социального общения в этот период был отнюдь не перегружен. Но теперь перспектива провести выходные с незнакомцами показалась ужасной. *Но отказываться поздно. Так что постарайся получить от встречи сколько возможно удовольствия.*

Устало поднявшись, я принялся готовить себе поесть. А когда зазвонил телефон, подумал, что это Джейсон — решил проверить, не передумал ли я к ним ехать. Мысль о том, чтобы извиниться и отказаться в последний момент, не покидала меня, но тут я заметил, что номер вызывавшего абонента не отразился на дисплее, и чуть было не отказался отвечать, предположив, что помогают рекламщики. Но старые привычки снова взяли верх.

— Это доктор Хантер?

Говорил мужчина и по голосу в летах — староват для телефонного маркетинга.

— С кем имею честь?

— Я Боб Ланди, детективный инспектор из полиции Эссекса. — Он изъяснялся размеренно, почти неторопливо, и в его речи чувствовался скорее северный, чем эстуарный* выговор. — Я не вовремя?

* Термин, обозначающий неформальный, якобы бесклассовый английский, бытующий в Лондоне и окружающих столицу графствах.

— Нет, нет, все в порядке. — Я поставил пиво, мысли о еде моментально вылетели из головы.

— Прошу прощения, что тревожу вас в выходные. Мне вашу фамилию назвал старший детективный инспектор Энди Макензи, с которым, как я понимаю, вы некоторое время назад вели расследование убийства.

Его тон был таким, будто подразумевал вопрос, но я хорошо помнил Макензи. Тогда меня впервые привлекли к расследованию после того, как я потерял семью, и теперь услышать его имя сразу после того, как я возвращался мыслями в те времена, показалось до странности уместным. Тогда он был просто инспектором, и наши отношения складывались не всегда просто. Больше по моей, чем по его вине. И я оценил, что он порекомендовал меня.

— Совершенно верно. — Я старался не раздувать в себе надежды. — Чем могу помочь?

— Мы получили сообщение, что в устье реки Солтмир в нескольких милях по побережью от острова Мерсея замечен труп. Ночью работать не получится, но сразу после рассвета наступит отлив. У нас есть ясное представление, где искать, и как только достаточно посветлеет, можно начать поиски. Понимаю, лучше бы предупредить заранее, но не могли бы вы подъехать как можно раньше утром.

Мысль о празднике у Джейсона и Анжи мелькнула в голове, но всего лишь на мгновение и сразу пропала. Они поймут.

— Хотите, чтобы я участвовал в расследовании?

Мне приходилось иметь дело с утопленниками, но, как правило, меня звали после того, как вылавливали тело. Судебный антрополог требовался в тех случаях, когда от человека оставался один скелет или если разложение зашло достаточно далеко. Если же утопленник свежий или останки в относительно хорошем состоя-